

Похвала спортивной красоте

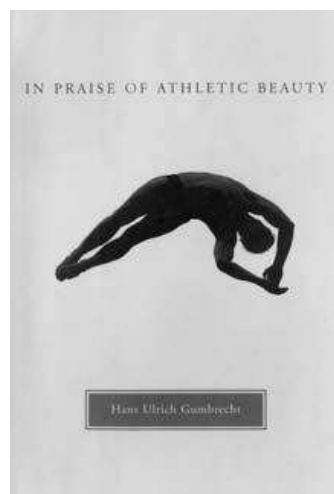
Олимпийские игры и Кубок мира по футболу приближаются ко Всемирному карнавалу настолько, насколько это возможно в нашем разделенном границами мире. Свадьбы и похороны в британской королевской семье, катастрофы и даже избрания Папы Римского тоже могут выглядеть как глобальный спектакль, но только великие спортивные

события по-настоящему объединяют зрителей всего мира. В этих спортивных ритуалах герои и героини, не отличающиеся красноречием, вдруг получают огромные денежные призы, болельщики меняют будничную внешность на яркую боевую раскраску, фанаты сбиваются в толпу — словом, обыденность с ее рутинной утупает место своей противоположности.

Ученые, как правило, больше теоретизируют о карнавале — и тем более о спорте, — чем в нем участвуют. Ханс Ульрих Гумб-

Gumbrecht H.U.
In Praise of
Athletic Beauty.

Cambridge,
MA: Belknap
Press of Harvard
University Press,
2006. 263 pp.

рехт — счастливое исключение. Его раздражает, что коллегам нет дела до того острого наслаждения, которое он испытывает от разных видов спорта — если не как спортсмен, то как болельщик. Профессор литературы на вершине академического древа — в Стэнфордском университете в Калифорнии — он не стесняется выставлять себя любителем бейсбола и того футбола, в какой играют в колледжах, то есть американского футбола, а также поклонником великих боксеров, бегунов, хоккеистов, тяжелоатлетов и даже борцов сумо. То, как Гумбрехт описывает эту часть своей жизни, наводит на подозрения: а остается ли у профессора время на чтение студенческих работ — например о «Волшебной горе» Томаса Манна? Как бы то ни было, очевидно, что автор получает наслаждение от спорта, можно сказать смакует его, а принадлежность к интеллектуалам заставляет его задаться вопросами: почему? В чем источник этого удовольствия? Где лежит красота? Почему автор чувствует благодарность к тем, кто делает это возможным? И увеличится ли его наслаждение, если он начнет анализировать его причины?

«Похвала спортивной красоте» — это эссе в строгом смысле слова — опыт интерпретативной риторики на тему, близкую сердцу автора. Слава богу, в книге нет ни одной сноски. Гумбрехт презрительно проходит мимо туго зашнурованных монографий о спорте как способе социального контроля или своего рода цирке для масс и вместо этого обращается к субъективной и, согласно калифорнийскому стилю¹, очень личной эстетике удовольствия и чувственности. Не боится он и признавать привлекательность brutального и физического — например облаченных в доспехи гладиаторов или хоккеистов. (Тот, кто наблюдал на улицах Москвы «автомобильный спорт» — когда автомобиль, вместо того чтобы притормозить, вдруг врежется в другую машину, — возможно, испытывал нечто подобное чувствам гладиатора на арене цирка. Однако эта сторона спорта должна быть подвергнута психоанализу скорее, чем анализу эстетическому.)

Но наибольший восторг у автора вызывали те великие мгновения, когда он становился свидетелем движений исключительной красоты — таких, какие мог выполнить только один спортсмен (и то не всегда): легендарный прыжок в длину Джесси Оуэн в 1936 году, мяч, посланный Пеле в сетку ворот, революция в женской гимнастике, произведенная Надей Команечи, марафонец, ускоряющий свой бег перед воротами стадиона. Память о таких событиях наделяет прошлое «сияющей аурой». Где же именно скрыта красота? Ответ, данный Гумбрехтом, таков: следует не искать смысл, а описывать «присутствие» — момент, когда мы разделяем со спортсменами их исполнение и, следовательно, существуем в такой ипостаси, какой иначе невозможно достичь. И за эту

возможность мы благодарны спортсменам. Это, можно сказать, момент искупления в том мире, который без этого был бы слишком приземленным. Неудивительно, что для болельщиков так важны ритуалы.

И автор, и издатель постарались придать книге такую форму, которая отвечала бы духу текста. Элегантно выполненная, с черным силуэтом атлета, выгнувшегося в прыжке, на белой суперобложке, книга похожа на томик изысканной поэзии, выпущенный каким-нибудь частным издательством. Несомненно — так как подобных книг о спорте выходит не так много — каждый болельщик-интеллектуал найдет для этого томика место на своей книжной полке или в чулке, куда Санта-Клаус кладет свои подарки, соединив, таким образом, поэзию с более грубой чувственностью. Приятно представить английского форварда Уэйна Руни читающим по дороге на матч «Манчестер Юнайтед» о Канте, которому в книге посвящено несколько страниц, — хотя вряд ли такое возможно.

Кроме того, Гумбрехт все же не поэт. Его стиль прозрачен и хорошо читается, за исключением арочного введения, в котором автор пишет о себе: сначала возбужденном мальчике, потом — ностальгирующем мужчине, — в третьем лице. Этот воображаемый «он», универсальный болельщик и читатель спортивных изданий, должен обязательно узнать, почему герои и героини на поле, ринге, беговой дорожке или на экране приводят его в такой восторг. Он обожает иллюстрировать свой текст анекдотами — такими как ставшее притчей во языцех наставление Мохаммеда Али боксеру «парить, как бабочка, жалить, как пчела».

Глава об «определениях» содержит философию, или эстетику присутствия. В исторической главе автор ставит под сомнение преемственность между играми древних греков, ареной римлян и современными видами спорта и, вместо того чтобы ностальгически сожалеть об этом, принимает как данность ставшие неотъемлемой частью спорта коммерческие императивы. Затем речь заходит о том, что же именно завораживает зрителя: о теле, страдании, грации, спортивных снарядах (как продолжении тела), стиле индивидуального исполнения, командных играх и краткости и ограниченности времени, — что держит зрителя в напряжении. Наконец, в очень личной манере Гумбрехт размышляет о том, почему именно он чувствует такую признательность к спорту. Ответ его довольно меланхоличен и основан на печальном сознании того, что великие звезды спорта уходят в небытие или даже впадают в болезненный коллапс и что их слава заключается в создании момента, существующего только в памяти — подобного явлению божества. Некоторые из заключительных клише о любви к жизни было бы лучше опустить.

Истинный болельщик — чаще всего мужчина (хотя Гумбрехт ничего не говорит о гендерных профилях разных видов спорта) — располагает длинным списком статистических данных: о средних показателях ударов в бейсболе или взятых воротец в крикете (об этом виде спорта автор также хранит молчание — что поймут все те, кого раздражает медлительность этой традиционной игры). Эти цифры нужны для сравнения, но сами по себе «смысла» не имеют — подобно тому как не имеет «смысла», к примеру, излюбленное времяпровождение британцев (тоже мужчин) — коллекционирование номеров паровозов и электровагонов. Волшебство совершается благодаря заклинаниям, которые произносят единомышленники. Но произойдет ли оно и для стороннего наблюдателя — неболельщика, — такого, например, как пишущий эти строки? Если речь идет о статистике, ответ будет «нет», но если говорить о «присутствии», то, конечно, да. В момент, когда совершается что-то особое, каждый хочет быть «там». Это должно быть справедливо и для огромной телевизионной аудитории — а именно она в наши дни определяет законы публичной презентации спорта: эти люди не просто присоединяются к толпе, а испытывают глубоко личные ощущения. Вопрос, который наш автор задает себе с юмором и наслаждением от этой игры, — о том, что именно вызывает у него энтузиазм, — будет подхвачен читателем. У каждого есть на этот счет собственное мнение, а эссе Гумбрехта вносит в беседу утонченность.

Ход футбольного матча, красота бегунов, возможность неожиданного и решительного действия, вовремя использованный шанс, награда мастерству — все это небезразлично и мне. Я даже соглашусь с тем, что хоккей — тоже удивительный вид спорта, особенно если бы при этом удавалось разглядеть шайбу. Я преклоняюсь перед грацией гимнастов, ныряльщиков и фигуристов; сомнения у меня возникают лишь тогда, когда поток этой красоты нужно загнать в рамки технических критериев, — для того чтобы соревнование было объективным. Признаюсь, мне также чужд энтузиазм по поводу американского футбола и бейсбола: долгое ожидание, после которого действие совершается как по бизнес-плану. (Гумбрехт пространно пишет о «щелчке» (slam dunk) в бейсболе — и этот американизм ставит всех не интересующихся спортом европейцев на место.) И совсем уже мне неинтересно превращение спорта в чистое шоу — каким бы зрелищным оно ни было, — вроде рассчитанных на внешний эффект показательных выступлений фигуристов или телепрограмм с избранными моментами соревнований, когда искусственно подогретый восторг публики, слишком яркие костюмы и заученные улыбки спортсменов превращают спорт в мюзикл.

Кроме всего перечисленного, болельщика-фаната отделяет от просто сочувствующего стремление лично присутствовать на спортивном состязании. Фанату нужны определенные ритуалы — ритуалы идентификации с определенным спортсменом-звездой или командой, с их соперничеством, победой или поражением. Очень важно, чтобы эти ритуалы объединяли группу, — об этом ясно пишет Гумбрехт. В этом — различие между истинными болельщиками (к которым относится и автор книги), жадно следящими и за самым жалким выступлением своей команды (поглядите, что иногда приходится терпеть преданным болельщикам английского или российского футбола), и случайными наблюдателями (к которым относится рецензент), испытывающими удовольствие только от неожиданности и волшебства момента. Тем не менее остается неясным, насколько серьезно намерение Гумбрехта подвергнуть это измерение спорта эстетическому анализу, который заставил бы его вдаваться в столь не любимые им теории социологов и культурологов. Принимая во внимание интерес к эстетике, кажется странным, что Гумбрехт нигде не упоминает танец, в котором восхищение телом наиболее явно соединяется с восхищением искусством. Возможно, это не случайность, поскольку в таком случае ему пришлось бы из мира спортивных болельщиков перейти в мир «искусства», со всеми вытекающими отсюда социальными последствиями. И все же переживание «присутствия», отождествление с физической ловкостью и эмоциональной вовлеченностью (попробуйте представить футболиста Руни, испытывающего «дионисийский восторг»!) тех, кто поднимается над обыденным, скованным рамками условности миром, объединяет болельщиков с любителями балета и поклонниками театральных актеров и кинозвезд. В мире интеллектуалов есть аналог этого явления (за вычетом физической ловкости) — когда публику привлекает чье-то «большое имя».

У меня остается такое впечатление, что настоящая цель размышлений автора — эстетика личного, субъективного чувства, охватывающего болельщиков в момент апогея, — будь то быстрый удар боксера, посылающий противника в нокаунт, или изящная дуга, которую описывает, перелетая через планку, прыгун с шестом. Этим чувством, согласно Гумбрехту, объясняется возбуждение, заставляющее кричать толпу футбольных болельщиков на стадионе. (Он не упоминает такой легендарный эстетический акт, как исполнение уэльского национального гимна «Земля моих отцов» шестьюдесятью тысячами болельщиков регби на стадионе «Армс-парк» в Кардиффе.) В своем страстном желании наколоть красоту на булавку Гумбрехт изолирует спорт, отделяя его как от идеологии и, следовательно, от интеллектуальной критики,

так и от морального дискурса. Интересно, что он понимает, куда это может привести при обсуждении, например, такой актуальной темы, как использование в спорте наркотиков — или, говоря языком эвфемизмов, «стимуляторов». Эта книга, вполне оправданно с позиции самого автора, не связывает себя какой-либо одной точкой зрения и даже допускает возможность того, что «стимуляторы» однажды будут официально признаны: почему бы и нет, если они усиливают красоту? Однако многих это может настроить против книги. Но почему же? Потому, что в отношениях игроков важна «справедливость»? Потому, что мы мечтаем о таком героизме, который был бы не коммерческим продуктом, а воплощенной в теле духовной жизнью? Потому, что, принимая «стимуляторы», спортсмены себя разрушают? Потому, что наркотики нарушают грань между реальными спортивными достижениями и фантазиями о том, чего можно было бы достичь с помощью «стимуляторов»? Это запутанный клубок вопросов. Но то, что мне представляется достаточно ясным, — так это наша жажда событий, когда происходит нечто — в своем роде и в своем контексте — исключительное. Мы можем смотреть на эти события аналитически или эмоционально: или же, как показывает книга, мы можем делать и то и другое.

Перевод с английского И. Сироткиной

Примечание

1. Т.е. стилю, свойственному профессуре калифорнийских университетов. (Прим. перев.)